

УДК 003.349.1

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-46-61

О счетном значении глаголицы

О. И. Глазунова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Глаголические знаки появились неслучайно, за схематическим их изображением стоит некий исходный смысл, обладающий для носителей языка системным образно-когнитивным и структурно-символическим значением. Однако все попытки сопоставить глаголические символы с германскими рунами, с эфиопским, коптским, готским, арабским или греческим минускульным письмом не привели ни к каким результатам. В статье утверждается, что образы глаголических букв отражают логику развития общественного сознания того времени и напрямую соотносятся с принципами, которыми руководствовались первобытные художники при описании действительности. Первобытное мышление было основано на ассоциативных связях между знаком, его значением и ассоциативно оформленным представлением о том, какую роль играет это значение в жизни общества. Данная связь должна была облегчить процесс восприятия знаков через их соответствие традиционным взглядам носителей языка. Порядок следования в алфавите глаголических символов в строгом соответствии с закрепленными за ними числовыми значениями дает возможность сопоставить их форму с дошедшими до нашего времени изображениями предметов, которые обладали в сознании первобытного человека особым смыслом. В статье выдвигается гипотеза о том, что в первых пяти глаголических знаках заложены представления первобытного человека о себе, своей семье и предках: мужчина **Ѧ** (1), женщина **Ѣ** (2), их союз **ѦѢ** (3), дом **ѦѢ** (4), родовая защита **ѦѢѢ** (5). Однако не только когнитивные, но и структурно-арифметические соответствия символов играли значительную роль в глаголице. В отличие от кириллицы, числовые значения глаголических букв идут без пропусков, и это наводит на мысль, что именно эти значения были у них первичными. Структурно-схематические соответствия глаголических знаков, например букв «добро» (5), «люди» (50) и «фита» (500); «иже» (20) и «слово» (200); «како» (40) и «ук» (400) и др., а также возможность преобразования их графических изображений друг в друга в соответствии с числовыми значениями с помощью различных структурных элементов, обладающих в системе закрепленными за ними количественными показателями «единица», «десяток» и т. д., позволяют сделать следующий вывод: первоначально глаголица возникла как система счета и лишь затем ее знаки были приспособлены для обозначения звуков речи и параллельно с кириллицей получили буквенные наименования, сохранив сквозной порядок закрепленных за ними числовых значений.

Ключевые слова

происхождение глаголицы, когнитивный подход, форма и содержание букв

Для цитирования

Глазунова О. И. О счетном значении глаголицы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 46–61. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-46-61

On the Countable Meaning of the Glagolitic Script

Olga I. Glazunova

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract

Previous attempts to discover any links of the Glagolitic symbols with the Germanic runes, the Ethiopian, Coptic, Gothic, Arabic scripts, or with the Greek minuscule writing have not lead to any results. But at the same time, it is obvious that Glagolitic signs did not appear accidentally. There must be a certain initial meaning behind their schematic representation, and this meaning had a profound figurative cognitive and structural symbolic meaning for speakers.

© О. И. Глазунова, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 2

The author claims that the visual images of Glagolitic letters are directly related to the principles that primitive artists were guided by when depicting reality. The article provides evidence that Glagolitic letters followed the logic of the development of social consciousness of that time, they reflected and transmitted the idea of *Genus hominum*. Primitive thinking was based on the associative connections between a sign, its meaning, and an associative representation of the role that this meaning played in the life of their tribe. The main task of these associative representations was to facilitate the process of perception and memorization of signs through their compliance with traditional cultural values of native speakers. The alphabet order of Glagolitic signs was interpreted in strict accordance with their numerical meaning. This order makes it possible to draw analogy between the form of the letters and the images of some ancient artifacts which had a special spiritual significance for the primitive man. The article claims that the first five Glagolitic signs contain figurative and cognitive ideas of the primitive man about himself, his family and ancestors: a man (1), a woman (2), their union (3), their house (4), and protection of the tribe (5). Structural and arithmetic correspondences of symbols played a significant role in the Glagolitic script as well. Unlike the Cyrillic alphabet, numerical values of the Glagolitic letters follow each other without any omission. This suggests that these letters were used first as numbers. There are also structural and schematic correspondences between Glagolitic symbols. Using various structural elements assigned to them by the system, it is possible to transform their graphic images into numbers “one”, “ten”, etc. This highlights the idea that initially the Glagolitic alphabet arose as a counting system and was adapted to write the sounds of speech later. For this reason Glagolitic letters received the same names as these in the Cyrillic alphabet, but they preserved the straight-through order of their numerical values.

Keywords

origin of the Glagolitic alphabet, cognitive approach, form and content of letters

For citation

Glazunova, Olga I. On the Countable Meaning of the Glagolitic Script. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 46–61. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-46-61

Любой знак может быть выражен с помощью другого знака,
внутри которого он раскрывается с большей полнотой.

Поль Рикёр

Введение

Человек в своих действиях и в своем творчестве опирается на природу, где все имеет причинно-следственную связь и функциональную обусловленность, где материальная форма и присущее ей содержание находятся в постоянном взаимодействии. «Несомненно, – пишет в этой связи Э. Сепир, – в нашем ощущении формы присутствуют гораздо более глубинные элементы, чем все те, которые удалось предугадать большинству теоретиков искусства» [2003. С. 151]. Ощущение формы находит проявление во всех результатах деятельности человека. И язык в этом ряду не может быть исключением.

На раннем этапе своего существования знаки, служившие основой письменности, должны были обладать зрительными или слуховыми ассоциациями с окружающей человека действительностью, нести в себе информацию, которая давала возможность соотнести форму с заложенным в ней содержанием. Принципы передачи этой информации в разных алфавитах были разными. Например, в кириллической азбуке начертание букв имело привязку к работе артикулярного аппарата (графическое происхождение букв было связано с артикуляцией обозначаемых ими звуков¹), а в глаголице этот признак отсутствовал. Возможно, именно это практическое преимущество сделало кириллицу более востребованной и привело к тому, что в дальнейшем она вытеснила другие системы письма у славян. Однако в любом алфавите письменные знаки в той или иной мере соотносились с приписываемым им содержанием, каким бы оно ни было.

Обусловленность содержания формой со всей очевидностью проявляется, например, в простейших видах пиктографического письма и сохраняется, пусть и в крайне трансформи-

¹ См. об этом: [Ролич, 1973; Киров, 2000].

рованном виде, в современном иероглифическом письме. В привычном нам фонетическом письме восприятие очертаний букв также тесно связано с некими глубинными скрытыми «смыслами» читаемого текста, что и подтвердилось с момента изобретения книгопечати в факте появления множества шрифтов. Они наделены трудноуловимой, но, тем не менее, явственной визуальной «семантикой». Причем определенная «стилевая» семантика может распространяться не только на шрифты одного и того же алфавита, но и на латиницу и кириллицу вместе.

С учетом сказанного можно утверждать, что знаки алфавитов воплотили в себе результаты исторического развития народов; есть основания предполагать, что за схематическим их изображением стоит некий исходный «смысл», и что он не только может, но и должен обладать системным значением. Даже в случае утраты в ходе исторического развития языка представлений об этом смысле, первоначальное смысловое содержание письменных знаков может быть восстановлено в результате поиска аналогий в социокультурном наследии и традициях носителей языка.

Глаголица в эпоху христианства

Любой алфавит является системой, а система всегда обусловлена функциональным значением, в данном случае – мировоззренческим, условно-символическим или религиозным. Именно эти составляющие лежат в основе письменных знаков в обществе. Однако если обратиться к глаголице, то здесь вопросов остается больше, чем ответов.

До сих пор наука не располагает достоверными данными о происхождении глаголицы. Проблему усугубляет и тот факт, что целый ряд глаголических букв не имеет никаких явных соответствий с известными науке письменными знаками. Несомненно только то, что после принятия христианства элементы, которые составляли буквенные символы, приобрели христианский смысл, но утверждать, что он был присущ им изначально, вряд ли можно. Если, конечно, не стоять на позиции, что «письменная традиция славян начинается с принятием христианства, а потому расшифровка символики глаголицы невозможна вне контекста раннехристианской культуры» [Карпенко, 2009. С. 25].

Начиная со второй половины XX в. среди филологов-палеославистов получила распространение гипотеза Г. Чернохвостова, согласно которой буквы глаголического алфавита были составлены из креста, круга и треугольника, изначально обладавших в сознании носителей языка сакральным смыслом: крест символизирует Христа, круг – божественную бесконечность, треугольник – Троицу².

Некоторые исследователи придерживаются той точки зрения, что сакральный смысл имеют лишь некоторые буквы глаголицы: «Явная христианская символика отмечена в начертаниях по крайней мере трех очень важных букв глаголической азбуки: “азъ” (первая буква, представляющая одно из видоизменений креста как христианского символа), а также “иже” и “слово” – начало и конец подтитлового сокращения священного имени Иисус (начертания этих двух букв представляют собой две вертикальных комбинации треугольника (символа Троицы) и круга (символа всевидящего ока))» [Савельева, 1994. С. 16].

Однако, на наш взгляд, постулат о христианском происхождении глаголицы существенно снижает уровень исследования, так как геометрические фигуры, которые были задействованы в начертании глаголических букв, не ограничиваются «христианскими» крестом, кругом и треугольником. В их очертаниях присутствуют еще и угол, полукруг, четырехугольник, усеченный треугольник, которые для создателей азбуки тоже обладали каким-то смыслом. И этот смысл в условиях системной организации алфавита должен быть связан со смысловым наполнением остальных элементов.

² Данная гипотеза прозвучала в изложении В. Р. Кипарского – научного руководителя Г. Чернохвостова [Кипарский, 1958].

Даже те геометрические фигуры, на которые исследователи указывают как на христианские, сложились задолго до христианства у народов самой разной этнокультурной принадлежности и разного уровня общественного развития. Отсюда следует, что говорить об изначальной сакральности глаголицы можно только по отношению к наименованию букв, но не к их начертанию, потому что задействованные в буквах геометрические фигуры могли воплощать самые разные, в том числе далекие от христианской символики, образы.

Гипотеза Г. Чернохвостова вызвала дискуссию. Некоторые исследователи, в частности Ю. С. Степанов, разделяет ее лишь частично. По его мнению, «исторически отдельные буквы могут задолго предшествовать появлению данного алфавита, т. е. быть заимствованными в него из других систем письменности или иных знаковых систем. Но, попадая в данный алфавит, такие буквы пластично моделируются в нем соответственно своему месту» [Степанов, 1991. С. 23].

Исходя из этого, Степанов выдвигает свою гипотезу, согласно которой первая буква славянского алфавита **Ѧ** может происходить из первой буквы готского алфавита «*aza*» и соответствующей руны, которая «во всех германских рунических алфавитах однозначно связывается со смыслом “бог”». Глаголическая буква «азъ», в его представлении, происходит из рунической записи имени верховного божества Тенгри тюрко-монгольского происхождения [Там же. С. 31].

Имя второй буквы в славянских алфавитах «букы» **Ѣ**, по мнению Степанова, «восходит к имени дерева “бук” и является, несомненно, заимствованием из германских языков» [Там же. С. 33], а третья буква «веди» вошла в славянскую письменность из англосаксонского мира в измененном ассоциативном виде: «от древнего *vētiti* “вещать” к более актуальному *vēdēti* “знать”» [Там же. С. 42].

Языческие разыскания Ю. С. Степанова также вызвали негативные отклики ряда семиологов: Л. В. Савельевой, Л. Б. Карпенко, Т. А. Ивановой. По мнению Савельевой, «изучение семиотики славянской азбуки в отрыве от целей и задач, стоявших перед Кириллом, вряд ли может быть плодотворным. В этом отношении нам представляется очень искусственной гипотеза Ю. С. Степанова относительно языческой первоосновы начальной глаголической буквы «азъ» [Савельева, 1994. С. 30].

Еще менее плодотворными оказались попытки сопоставить глаголицу с более ранними по времени средствами письменности или иными знаковыми системами: с германскими рунами (Я. Гануш), с греческим минускульным письмом (Ф. Ф. Фортунатов, И. Тейлор), с эфиопским (И. Иречек, П. Шафарик), коптским (Ф. Ф. Фортунатов, В. И. Ламанский), арабским письмом (В. И. Григорович), с грузинским алфавитом «хуцури» (Н. С. Трубецкой, А. Сургуладзе) и т. д.³

Проблему усугубляет еще и тот факт, что древнейшие памятники славянской письменности дошли до нас в двух графических разновидностях. «Наличие в раннем периоде славяно-русской письменности двух различных азбук – глаголической и кирилловской – издавна обращало на себя внимание и заставляло искать источники того и другого письма. Но в то время как источник кириллицы ясен – византийское унциальное письмо, источник глаголицы не выяснен до настоящего времени» [Гранстрем, 1955. С. 300].

По мнению многих исследователей, глаголица существовала на Руси до кириллицы, которая в дальнейшем вытеснила ее в силу удобства и практичности написания кириллических букв. «Глаголица не оставила почти никаких следов в письменности Болгарии и древней Руси» [Там же. С. 303]; «Лишь у юго-западных славян в связи с преследованием католическим духовенством богослужебных книг, написанных кириллицей, занесенная туда с востока протоглаголица в конце IX в. пережила возрождение как тайнопись. При своем возрождении протоглаголица, в свою очередь, изменилась и усовершенствовалась под влиянием кириллицы, превратившись в известное нам глаголическое письмо – XII вв.; именно в этот период

³ Подробнее об этом см.: [Истрин, 1988. С. 70–77].

глаголица почти совпала с кириллицей по буквенно-звуковому составу, по порядку букв алфавита, по названиям букв и т. д.» [Истрин, 1961. С. 306]. Соответственно, до того времени глаголица развивалась самостоятельно, представляя собой автономную систему письменности, и не единственную.

Таким образом, необходимо признать, что в отличие от кириллицы глаголица как система письменных знаков обладает большей самобытностью. К сожалению, до сих пор относительно происхождения глаголических букв и их образных соответствий у исследователей не сложилось единого мнения. Безусловно, это имеет объективные причины: отсутствие достаточного количества письменных памятников не позволяет найти убедительные доказательства, способные привести к консенсусу.

Чтобы решить эту проблему, обратимся к памятникам доисторической эпохи: к наскальным рисункам, в которых раскрываются представления первобытного человека о себе самом и жизни общества, к глиняным и бронзовым фигуркам, отражающим мировоззрение авторов того времени, к предметам прикладного искусства и попытаемся найти соответствие между ними и глаголической письменностью.

Глаголические буквы и первобытное творчество

Попытки выявить сходство между структурой отдельных глаголических знаков и другими символами предпринимались давно – например, при описании палеографических признаков, встречающихся у отдельных букв в разных глаголических памятниках. Так, по мнению И. В. Ягича, буква **ѿ** иногда напоминает «фигуру опрокинутой груши», верхняя часть буквы **Ѡ** («слово») обозначена им как «шапочка», а спускающаяся вниз линия буквы **Ѣ** («буки») – как «шея». Глаголическая буква **Ѧ** («мыслите») в некоторых текстах, по мнению исследователя, напоминает латинскую **M**, буква **Ѧ** («како») с прямо поставленной вертикальной чертой, встречающейся в некоторых текстах, похожа на латинскую **h**, а **Ѧ** («иже») при округлой верхней части – на цифру восемь [Ягич, 1911].

Очевидно, приведенные выше изменения в начертании букв, относящихся к разному времени, обусловлены, прежде всего, воображением автора и чисто техническими особенностями написания. На общий структурный облик, по которому прочитывается та или иная буква, они влияния не оказывают: буквенные символы идентифицируются в текстах при любом способе изображения. Кроме того, сходство отдельных глаголических букв с латинскими, греческими или любыми другими буквами вряд ли может продвинуть нас на пути обретения комплексных представлений о глаголице как уникальной целостной системе письменных знаков.

Чтобы решить проблему, прежде всего обозначим предмет исследования. С нашей точки зрения, в такого рода работе следует опираться лишь на то, что дошло до нашего времени, – сам алфавит, включающий буквенные символы, объединенные в системном порядке, а также средства фиксации и передачи информации и социального опыта, которые использовались нашими предками в дописьменную эпоху. К ним относятся наскальные рисунки, передающие полученную извне визуальную информацию, и дошедшие до нашего времени схематические контурные изображения предметов, людей и животных.

Если предположить, что буквы глаголицы были заимствованы из других, более ранних, источников, то к таковым следует отнести прежде всего системы знаков и условных обозначений, которые традиционно использовались для обмена информацией, связанной с торговлей, мореплаванием или ритуальными действиями. Существенным подспорьем в такого рода исследовании может стать поиск соответствий буквенных глаголических знаков друг другу на основе числового, а не какого-то иного значения.

В опубликованном из Мариинского четвероевангелия «Евангелии от Луки. Из глаголической рукописи XI века» (СПб, 1889–1881) параллельно приводятся глаголический и кириллический алфавиты с числовыми обозначениями букв. Анализируя эти рукописи, И. И. Срез-

невский обратил внимание на тот факт, что в глаголице «буквы для чисел взяты подряд», в то время как «в кириллице для чисел употреблены были почти исключительно буквы греческие с тем же числовым значением» [Срезневский, 1866. С. 21, 20]. Именно в этом глаголица «круто отстывает от греческой письменности <...>: цифровое значение в ней буквы имеют независимо от того, совпадают ли они по звуковому значению с греческими или нет (так, буква Б в кириллице не имеет цифрового значения, а в глаголице имеет)» [Прохоров, 1992. С. 182].

Тот факт, что в отличие от кириллицы числовые значения глаголических букв идут без пропусков, наводит на мысль, что, возможно, именно эти значения были у них первичными. И только потом знаки глаголицы были приспособлены для обозначения звуков и параллельно с кириллицей получили буквенные наименования. Проверим эту гипотезу, рассмотрев далее, с какими образными структурами могло быть связано представление о счете в первобытном обществе.

Первобытное мышление, консервативное и замкнутое, было основано на ассоциативных связях между знаком, его значением и ассоциативно оформленным представлением о том, какую роль играет это значение в жизни общества. Задача ассоциативных представлений состояла в том, чтобы облегчить процесс восприятия и запоминания знаков, например числовых, через их соответствие традиционным взглядам носителей языка.

Порядок следования в алфавите глаголических знаков в строгом соответствии с закрепленными за ними числовыми значениями дает возможность сопоставить их форму с дошедшими до нашего времени изображениями предметов, которые обладали в сознании первобытного человека особым смыслом.

С нашей точки зрения, в первых пяти глаголических знаках были заложены представления общества того времени о человеке, семье и предках: мужчина (1), женщина (2), их союз (3), дом (4), родовая защита (5). Попробуем обосновать это утверждение.

Первая буква глаголицы «азъ» , или крест, как часто обозначают ее исследователи, соответствует местоимению «я», которое служит для обозначения человека. И не просто человека, а личности, которая способна выделить себя из окружающей среды, т. е. является субъектом сознательной деятельности, противопоставленной коллективному бессознательному. Отсюда и количественное значение, которое ей можно приписать, – единица.

Вместе с тем очевидно, что в качестве такой личности, наделенной способностями, волевыми качествами, характером, в традиционном обществе мог выступать исключительно мужчина как носитель не только гендерных и индивидуальных, но и общественно-социальных признаков в эпоху патриархата. Женщина в этом обществе подобной самостоятельностью не обладала. В силу своей природы она была носителем совсем других социальных функций, связанных с выживанием и продолжением рода.

Неслучайно знак, который соответствует первой букве глаголицы, очень похож на изображения мужчин в петроглифах – наскальных рисунках, встречающихся в разных уголках мира (рис. 1).

Не только на рисунках, но и в скульптурных фигурках мужчин можно отметить те же особенности. Например, в миниатюрной фигурке из бронзы, которая была обнаружена в селении Арчо (Дагестан) и датирована V в. до н. э., мы видим определенное сходство с первой буквой глаголицы (рис. 2).

Наблюдая за переменами, которые происходили с буквой «азъ» на протяжении времени (рис. 3), И. В. Ягич обращает внимание на то, что «в древнейших памятниках, как показывают первые четыре рисунка, поперечная линия перемещалась довольно высоко по отношению к пункту, в котором она пересекала отвесную черту» [Ягич, 1911. С. 181–182]. При таком расположении поперечной линии (на уровне плеч) можно говорить о том, что схематический образ буквы соотносился с фигурой мужчины.

Рис. 1. Ларгинская писаница, Забайкалье. Возраст 4000 лет (a).
 «Газетный камень», штат Юта, США. Возраст 2000 лет (b).
 Наскальные рисунки индейцев хопи, штат Аризона, США. XII–IV вв. до н. э. (c, d)
 Fig. 1. Larginskaya Pisanitsa, Transbaikalia. Age 4000 years (a).
 Newspaper stone, Utah, USA. Age 2000 years (b).
 The rock drawings of the hopi Indians, Arizona, USA. 12th – 4th century BC (c, d)

Рис. 2. Фигурка мужчины (бронза). Дагестан, V в. до н. э.
 Fig. 2. Male figurine (bronze). Daghestan, 5th century BC

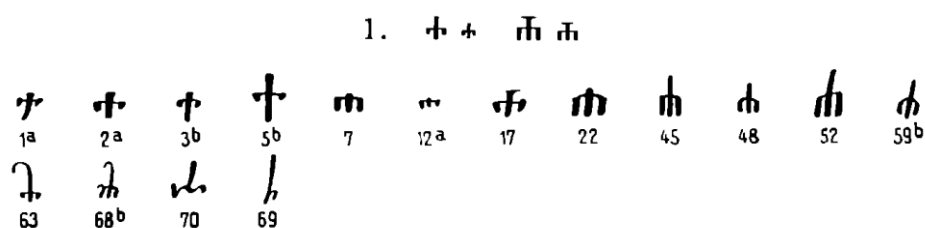

Рис. 3. Трансформация буквы «азъ»
 (Рисунок взят из работы [Ягич, 1911. С. 181]. Цифры под буквами указывают на номера снимков текстов, приведенных в конце книги, в которых данные начертания буквы присутствуют)
 Fig. 3. Transformation of the letter “азъ”
 (Figure taken from the work [Yagich, 1911. P. 181]. The digits under the letters indicate the numbers of snapshots of texts at the end of the book in which these Glagolitic letters’ pictures are present)

Мужская фигура – не единственный образ, с которым ассоциируется буква «азь». Основная задача первобытного мужчины – защита своего дома и рода. В этой связи сходство первого буквенного знака «азь» со схематическим изображением копья или меча тоже имеет основание. Образ мужчины и боевого оружия, несомненно, неразрывно связаны в представлениях того времени, поэтому вполне закономерно предположить, что они могут переплетаться в облике буквы, которая на схематическом уровне передает представления, сложившиеся в сознании общества относительно мужского начала.

Любой алфавит обладает системным характером, т. е. представляет собой совокупность элементов, между которыми существует закономерная связь или взаимодействие. Исходя из этого, если первая буква «азь» воплощала в себе представления о мужском начале, то вторая, следуя маскулинно-феминистской логике формирования общественного сознания, должна была ассоциироваться с женщиной. И действительно, облик буквы «буки» **Б**, напоминает скульптурные изображения женщин в первобытном обществе.

Найденные на раскопках фигурки женщин свидетельствуют о высоком уровне владения искусством миниатюрной скульптуры у людей, которые жили около 25 тыс. лет назад. «Большинство найденных статуэток изображает обнаженную стоящую женскую фигуру; в них ясно видно стремление первобытного художника передать черты женщины-матери (подчеркнута грудь, огромный живот, широкие бедра)» [Шлеев, 1956. С. 22–24].

Образцы таких статуэток были обнаружены не только в Западной Европе (как статуэтки из Виллендорфа в Австрии (рис. 4), из Ментоны и Леспюга в южной Франции и др.), но и в России – на месте палеолитических стоянок у деревень Костенки и Гагарино на Дону, в Авдеево под Курском и др.

В скульптурных изображениях женщин, созданных в доисторическую эпоху, культ плодородия и особое отношение к матери-прародительнице выходят на первый план. Первобытные художники прежде всего старательно изображали в женщине то, что связано с деторождением, игнорируя все остальное. Черты лица, а также руки в такого рода статуэтках не проработаны. Ноги присутствуют, но они малы; создается впечатление, что нужны они лишь в качестве необходимого постамента для массивного живота и груди женщины.

Именно эти особенности строения женского тела переданы в глаголице в очертаниях второй буквы «буки» **Б**, верхняя часть которой символизирует грудь, а нижняя – живот женщины.

Таким образом, вторая глаголическая буквы **Б**, в нашем представлении, схематически передает анатомические особенности строения женского тела, которые связаны с ее основным, заложенным природой, предназначением. Изменение статуса женщины в эпоху патриархата не изменило отношение к ней как к матери. Знак, схематически связанный с женским началом, был вторым по важности. Число 2 соответствовало положению, которое, начиная с эпохи мезолита, женщина занимала в обществе, и потому знак приобрел в дальнейшем отвлеченное числовое значение 2, которое в глаголице, как и в первобытной культуре той эпохи, закрепилось за этим образом.

В этой связи стоит отметить, что тема женского плодородия, воплощенная в глаголическом знаке **Б**, вписывалась в традиции когнитивного восприятия действительности того времени: ведь первая буква глаголицы «азь» **А** заключала в себе и фаллическую символику, которая активно использовалась в памятниках времен палеолита как олицетворение мужского плодородия и начала новой жизни.

Третья глаголическая буква «веди» **В**, следуя логике, которой мы руководствовались при описании первых двух букв, должна соотноситься с образом семьи, которая связывает двух человек в единое целое. Атрибуты этой связи в «веди» выражаются с помощью округлой ли-

Рис. 4. Женская статуэтка из Виллендорфа (Австрия)

Fig. 4. Female statuette from Willendorf (Austria)

нии, соединяющей два кружка. А семья, кроме мужчины и женщины, включает еще и ребенка, отсюда количественное значение 3, свойственное данной букве. Неслучайно в европейской культуре тройка символизировала полноту и завершенность⁴. Символ **Ѡ** можно также соотнести со схематическими вариантами изображения костра, домашнего очага, горшка для приготовления пищи. Все они имеют непосредственное отношение к семье, к дому.

В четвертой букве «глаголь» **Ѣ** округлая линия, соединяющая два кружка в **Ѡ** «веди», резко заостряется. Но вместо вертикального положения, что было бы естественно в этом случае, угол смещается влево, напоминая схематическое изображение заостренного птичьего клюва или клинка, который использовали для защиты.

Комментируя знаменитый наскальный рисунок из пещеры Ляско (Франция) (рис. 5, справа), Б. А. Рыбаков обращает внимание на обломок копья, который лежит рядом с мужчиной, «завершенный схематичным изображением птицы». «Этот стержень, – по мнению Рыбакова, – точно повторяет роговую копьеметалку из Мас-д’Азиля с изображением снежной куропатки около крюка» [1994. С. 122]. Исходя из этого можно сделать вывод, что изображение птицы традиционно использовалось для украшения оружия в первобытном обществе.

Рис. 5. Пещера Ляско (Франция). Охотник и бизон. Палеолит
Fig. 5. Lascaux Cave (France). Hunter and bison. Paleolithic

Если обратить внимание на нижний контур птицы в том виде, в каком ее изображали в то время на копьях (см. рис. 5, слева) и копьеметалках, станет очевидно, что он напоминает букву «веди» в глаголице. И это тоже неслучайно.

В славянской мифологии фигурка птицы олицетворяла семейный очаг, этот образ способствовал сохранению спокойствия и счастья дома, оберегал семейство. Свойственное букве числовое значение 4 ассоциируется с образующими дом четырьмя стенами⁵. Схематизм глаголической буквы позволяет увидеть за символом и летящую птицу, и грозный птичий клюв. Даже в наши дни деревянная птица с развернутыми крыльями является одним из распространенных предметов народного творчества, предназначенных для защиты семейного счастья и благополучия⁶.

⁴ См. у Аристотеля: «Как говорят пифагорейцы, “целое” (to pan) и “все” (ta panta) определяются через число три: начало, середина и конец составляют число целого, и при этом троицу. Вот почему, переняв у природы, так сказать, ее законы, мы пользуемся этим числом при богослужениях» [1981. С. 265]. В. Н. Топоров отмечает: «Первым числом в целом ряде традиций (в т.ч. и в древнекитайской) считается 3. 3 – не только образ абсолютного совершенства, превосходства (ср. роль числа 3 как суперлатива: трисвятый, треклятый и т. п.), но и основная константа мифопоэтического макрокосма и социальной организации» [1988. С. 630].

⁵ Ср. русские пословицы и поговорки: «Дом о четырех углах»; «Без четырех углов изба не рубится»; «Четыре угла дому на строение, четыре времени году на совершение»; «Без троицы дом не строится, без четырех углов изба не становится».

⁶ Например, на русском Севере, в Вологодской и Архангельской областях, с языческих времен было принято вешать в доме над столом деревянную щепную игрушку: «поморского голубя», или «птицу счастья» [Дмитриева, 2006; Максимов, 2014; Пришвин, 1982].

Буква «добро» **ѿ** с числовым значением 5 представляет собой зеркальное отражение по горизонтальной оси третьей буквы глаголицы **ѿ**, которая, по нашей версии, олицетворяет семью. Очертания буквы **ѿ** можно соотнести с символом «рожаниц», который активно использовался в вышивке и в обереговой вязи (рис. 6).

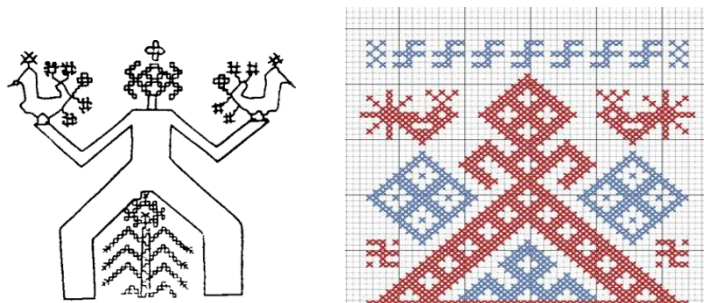

Рис. 6. Русская вышивка. Рожаницы: мать и дочь

Fig. 6. Russian embroidery. Rozhanitsy: mother and daughter

Рожаницы – наиболее древние неперсонифицированные богини славян, покровительницы рода и «хранительницы жизни», культ которых наравне с Родом – общеславянским богом, создателем всего живого – играл основополагающую роль в системе взглядов и родовой организации того времени [Мудрова, 2010. С. 7]. Кроме того, очертания буквы «добро» напоминают купол – небесный или наружный свод в виде полушария, который служит для защиты стен храмов.

Зеркальное строение букв «веди» **ѿ** и «добро» **ѿ** в глаголице можно проиллюстрировать фольклорными данными. В книге «Фольклор славян и его семиотическая система» М. Надель-Червинская говорит о значении числа 5 в «Сборнике сказок» А. Н. Афанасьева: «Интересно, что сам Афанасьев, рассматривая тексты сказок совсем не в том аспекте, что мы сегодня, выделяет <...> ‘семь коз’ (временная модель ‘дни недели жизни’) и ‘пять козлов’ – число пять традиционно соотносит ‘козла’ с ‘пространством времени’ (жизни и жизни в смерти как ее оборотной стороны)» (курсив мой. – О. Г.) [Надель-Червинская, 2012. С. 255]. Символическое значение «жизни в смерти», соотносящееся с умершими предками, которых чтят в каждой семье, соответствует выдвинутой в данной статье гипотезе относительно строения и значения буквы «добро».

Можно также предположить, что буква «есть» в виде полукруга **ѿ** в глаголице соотносится с полугодовым календарным циклом, которому соответствует число 6, закрепленное за этим знаком; ведь «по орнаментированному керамическому материалу II–I тыс. до н. э. у славян и их соседей улавливается деление года на четыре солнечных фазы, отмеченные на керамике четырьмя крестами, а также разделение солнечного года на 12 месяцев» [Рыбаков, 1994. С. 319].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в форме глаголических знаков, уходящих в далекое прошлое, нашли отражения представления первобытного человека о себе, своей семье, роде и предках, которые оберегали его на протяжении всей жизни. Порядок следования, их форма и содержание, а также соотнесенность букв с числовыми значениями: мужчина **ѿ** (1), женщина **ѿ** (2), их союз **ѿ** (3), дом **ѿ** (4), родовая защита **ѿ** (5), позволяют говорить о взаимосвязанности символов в составе глаголической системы на основе функционального значения.

Дальнейшая трактовка соответствия чисел буквенным символам в глаголице не может быть столь однозначной. Накопление знаний об окружающем мире, развитие мышления и умений человека их систематизировать и интерпретировать потенциально способствовали

вовлечению в круг числовых значений глаголицы все большего количества понятий и представлений. Вот почему работу в этом направлении необходимо проводить совместными усилиями представителей разных специальностей: лингвистов, культурологов, историков, этнографов, археологов. «Славянская палеография, в прошлом частная наука об истории письма, обогащаясь положениями семиотики, симвонологии, герменевтики, религиоведения, сегодня преодолевает формальный подход и становится дисциплиной культуроцентричной, общезначимой. Она выявляет не только эволюцию форм письма, но и ценностные основания славянской книжной традиции» [Карпенко, 2009. С. 16].

Кроме описанных выше структурно-когнитивных соответствий, в форме глаголических знаков просматривается еще одна особенность, на которую следует обратить внимание. Речь идет об арифметическом кодировании счетной информации. Наиболее ярко эта характеристика проявляется в структуре глаголических символов начиная с буквы **ѡ** «живете» с числовым значением 7. Рассмотрим это более подробно.

О структурно-счетных составляющих глаголицы

На уровне структуры глаголические буквы отображают не только образно-когнитивные представления древних славян, но и их познания в счете. О первоначальном счетном значении глаголицы говорит архимандрит Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин): «Глаголица состоит из 24 букв, в каковые обращены условные знаки (*счетного или торгового значения*), бывшие издревле в народном употреблении приморских далматинско-хорватских славян, и из 14 букв, заимствованных непосредственно из кириллицы, с видоизменением некоторых для сходства с упомянутыми “условными знаками” округленной глаголицы» (курсив мой. – О. Г.) [Архим. Леонид, 1891. С. 60]⁷.

Происхождение глаголицы из знаков «счетного», «торгового (клейма)» или «хозяйственного (рези)», по мнению архим. Леонида, связано с тем, что «жители Далмато-Хорватского приморья издавна славилась как искусные моряки» [Там же. С. 46]. Безусловно, в то время плавать на кораблях, не обладая «счетным» письмом, не представлялось возможным.

Архимандрит Леонид – археолог, знаток палестинских, византийских, славянских, русских древностей и истории богослужения – был выдающимся ученым своего времени, поэтому его мысль о «счетном» письме, которое послужило основой для глаголического алфавита, заслуживает пристального внимания. Если счетное значение глаголических символов было первичным, то структура букв должна каким-то образом отражать этот факт.

Уже говорилось о том, что буква **ѡ** «добро» с числовым значением 5 представляет собой перевернутый образ буквы **Ѣ** «веди» с числовым значением 3. Разница между числами 3 и 5 равна количеству кружков в основании буквы «добро» и верхней части буквы «веди». Вряд ли это может быть случайностью.

Если проанализировать графический состав буквы **ѡ** «люди» с числовым значением 50 и буквы **ѡ** «добро» с числовым значением 5, нетрудно заметить, что они отличаются лишь поперечной линией, соединяющей обращенные вниз закругления в знаке «люди»⁸.

Прослеживается графически-образная связь и между буквами **ѡ** «добро» (5), **ѡ** «люди» (50) и буквой **Ѡ** «фита» (500), которая рядом исследователей рассматривается «как чужой вклад в славянскую азбуку» (например, И. В. Ягич, ссылаясь на мнение Й. Добровского, указывает, что и глаголический, и кириллический ее облик заимствованы из греческого алфави-

⁷ В данной работе архим. Леонид развивает мысль, высказанную И. И. Срезневским: «Соображая все данные и мнения о глаголице, нельзя не прийти к заключению, что она есть явление IX–X веков, последовавшее за кириллицей; но где и по какому случаю она получила начало и вошла в употребление, это вопрос, требующий изысканий» [Срезневский, 1948. С. 60]

⁸ В русских текстах глаголической тайнописи для обозначения десятков использовались черточки, для сотен – кружочки [Сперанский, 1929. С. 21], так что предположение о том, что глаголические знаки являются результатом структурно-арифметического кодирования, представляется вполне закономерным.

та [Ягич, 1911. С. 202]). Сходство с греческой Θ в облике глаголической буквы **Ѳ** «фита», безусловно, просматривается, однако нельзя проигнорировать наличие в ней пересекающей круг поперечной линии с обращенными вниз кружками на концах, напоминающей дугу в **Ѣ** «добро» с числовым значением 5.

Нижняя часть буквы **Ѣ** «живете» с числовым значением 7 соответствует букве **Ѣ** «добро» с числовым значением 5, а два расходящихся в стороны штриха в верхней части могут указывать на количество единиц, которые надо прибавить к пяти, чтобы получить присущее этому знаку числовое значение. Еще М. Н. Сперанский указал на тот факт, что в тайнописи существовал «цифровой», или точечный, способ обозначения букв: «суть этого способа заключается в том, что к обычной нужной букве прибавляют или от нее отнимают одну, две и т. д. единиц (десятков или сотен) ее цифровой значимости и пишут результат полученной буквы, обозначая точками, сколько к ней надо прибавить или от нее отнять, чтобы получить нужную букву; прибавление обычно указывают сверху, вычитание – внизу буквы» [Сперанский, 1929. С. 26]. В данном случае в букве **Ѣ** «живете» с числовым значением 7 мы как раз и имеем дело с прибавлением нужного количества единиц, обозначенных с помощью наклонных штрихов, которые расположены над буквой **Ѣ** «добро» с числовым значением 5. Вряд ли это может быть случайностью.

Соответствие наблюдается и в буквах **Ѣ** «добро» (5), **Ѥ** «люди» (50) и **Ѧ** «мыслите» (60). Стоит отметить еще одну особенность: в структуру буквы **Ѧ** входит верхняя часть буквы **Ѧ** с числовым значением 10, которая в силу того, что она находится наверху, может означать необходимость прибавки этого количества к нижнему знаку буквы **Ѥ** «люди» (50) для получения количества, соответствующего букве **Ѧ** «мыслите» (60).

Кроме того, нельзя не обратить внимание на соответствие букв **Ѧ** «иже» с числовым значением 20 и **Ѧ** «слово» с числовым значением 200. Они состоят из круга, в который своим острием вонзается равнобедренный треугольник: в букве с числовым значением 20 треугольник расположен сверху, при обозначении 200 – снизу. В том же равнобедренном виде с сохранением острых углов треугольник образует букву **Ѧ** «и» с числовым значением 10.

Если предположить, что треугольник во всех этих буквах имеет значение 10, то оставшийся круг в буквах **Ѧ** «иже» (20) и **Ѧ** «слово» (200) должен соотноситься с двойкой, которая в глаголице выражается буквой **Ѣ** «буки». И хотя круга как такового в облике буквы **Ѣ** нет, этот образ имеет к ней непосредственное отношение, если учесть схематические принципы, которыми руководствовались первобытные художники, изображая женщину: верхняя часть знака символизирует грудь женщины, а нижняя – круглый живот.

Буквы **Ѧ** «како» с числовым значением 40 и **Ѧ** «ук» с числовым значением 400 тоже соотносятся друг с другом: **Ѧ** включает в свою структуру букву **Ѧ**. Нетрудно заметить также, что в структуре буквы **Ѧ** «ук» присутствует буква **Ѧ** «рцы» с числовым значением 100: нижняя часть **Ѧ** получена из буквы **Ѧ** на основе зеркальной симметрии, верхняя часть представляет собой зеркальное отображение нижней части. Вертикальная черта справа, соединяющая верхний и нижний кружки буквы **Ѧ**, соотносится с обращенным вправо выступом буквы **Ѧ**, что дополнительно указывает на то, что числовые значения этих знаков связаны между собой.

В структуру буквы **Ѧ** «ц» с числовым значением 900 и буквы **Ѧ** «х» с числовым значением 600 тоже входит буква **Ѧ** «рцы» (100). Стоит отметить, что в некоторых глаголических памятниках буква «рцы» имеет нижнюю часть, приближенную к треугольнику, что дополнительно дает возможность соотнести ее с буквой **Ѧ** «и» с числовым значением 10. Определенное сходство есть и у букв «глаголь» **Ѧ** (4) и «зело» **Ѧ** (8), а также у **Ѧ** «зело» и **Ѧ** «земля» с числовыми значениями 8 и 9.

Соответствие глаголических знаков числовым значениям на структурном уровне в дальнейшем использовалось весьма активно в тайнописи, например при цифровом, «значковом», способе кодирования информации, который известен в нескольких разновидностях и был «при этом, вероятно, различного происхождения на славянской почве». Из России он был

заимствован южными славянами «в довольно позднее время (XVII–XVIII вв.); в греческой письменности он до сих пор не констатирован» [Сперанский, 1929. С. 20–21].

Безусловно, ограниченное количество дошедших до нашего времени памятников и отсутствие возможных предшествующих глаголице вариантов письменности не позволяет выявить все закономерности кодирования арифметической информации в составе письменных знаков, представив глаголицу в качестве системы обучения счетной грамоте у славян. Однако стоит отметить, что даже то немногое, что удалось распознать, свидетельствует о знании нашими далекими предками арифметических правил и владении «счетной мудростью».

Заключение

В работе выявлен ряд соответствий между структурными составляющими глаголических символов и укладом жизни общества, которое использовало эти символы на протяжении длительного времени.

Глаголические знаки были связаны между собой и создавались в соответствии с теми принципами, которыми руководствовались первобытные художники. В первых пяти знаках нашли отражение представления общества того времени о человеке, семье и предках: мужчина (1), женщина (2), их союз (3), дом (4), родовая защита (5). В витиеватой форме глаголических букв были зашифрованы: 1) взгляды и свойственные роду когнитивно-образные представления; 2) иерархия сложившихся в маскулинно-феминистском обществе отношений.

Если на уровне представлений числовое значение глаголических знаков соотносилось с иерархической моделью восприятия действительности, то на уровне структуры оно содержало информацию о познаниях людей того времени в области арифметики. Счетное значение глаголических знаков было первичным, и этот факт находит подтверждение в их структурной организации.

Геометрические элементы в составе глаголических символов (круг, штрих, треугольник и др.) соотносились с определенными количественными значениями, а их расположение в знаке указывало на то, на основе каких арифметических действий это число могло быть получено из других чисел, обладающих сходной с ним структурой и соответствующим значением.

Таким образом, полученные в работе данные опровергают утверждение представителей европейской лингвистики, в частности И. А. Бодуэна де Куртенэ, о том, что «между психическими элементами языка, т. е. <элементами> произносительно-слухового языкового мышления, и между психическими элементами письма, т. е. <элементами> писанно-зрительного языкового мышления, нет никакой необходимой “естественной” связи, а имеется только случайное сцепление, называемое ассоциацией» [Бодуэн де Куртенэ, 1963. С. 210–211].

Ничего случайного в буквенных символах в период их формирования и объединения в систему не было. Каждый из них в своей структуре воплощал зрительные, слуховые, ассоциативно-образные и ментальные представления предшествующих поколений носителей языка, являясь средством кодирования результатов познания ими окружающей действительности.

Заложенные в глаголице знания передавались из поколения в поколение через образное и ментальное восприятие буквенных символов до тех пор, пока в обществе существовала необходимость в такого рода распространении информации. И только потом, когда эта необходимость отпала, глаголические знаки перешли в разряд чисто графических изображений.

В настоящее время мы вынуждены восстанавливать семиотический код глаголицы, реконструируя его на основе разрозненных данных. Однако уже тот факт, что первая славянская азбука была многофункциональной кодирующей системой, дает возможность посмотреть на жизнь наших предков по-новому.

Список литературы

- Аристотель. О небе // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 263–278.
- Архим. Леонид. О родине и происхождении глаголицы и о ее отношении к кириллице // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1891, Т. 53, № 3. С. 1–47.
- Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: АН СССР, 1963. Т. 2. 391 с.
- Гранстрем Е. Э. О происхождении глаголической азбуки // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 300–313.
- Дмитриева С. И. Традиционное искусство русских Европейского Севера: этнографический альбом. М.: Наука, 2006. 284 с.
- Истрин В. А. Развитие письма. М.: АН СССР, 1961. 403 с.
- Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Карпенко Л. Б. Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 16–38.
- Кипарский В. Р. Ответ на вопрос № 30: «Какой из славянских алфавитов древнее – глаголица или кириллица; какой из этих алфавитов создан Кириллом и Мефодием?» // Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов). М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 315–316.
- Киров Е. Ф. Графика русского языка до и после Кирилла (к вопросу о происхождении буквенного письма) // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2000. № 1. С. 125–147.
- Максимов С. В. Год на севере. М.: Директ-Медиа, 2014. 583 с.
- Мудрова И. А. Словарь славянской мифологии. М.: Центрполиграф, 2010. 238 с.
- Надель-Червинская М. Фольклор славян и его семиотическая система. Тернополь: Крок, 2012. 304 с.
- Пришвин М. М. За волшебным колобком // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 181–386.
- Прохоров Г. М. Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 178–199.
- Ролич В. И. О психофизической сущности фонемы // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению: Тез. докл. М.: Изд-во УДН, 1973. С. 71–73.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. 2-е изд. М.: Наука, 1994. 608 с.
- Савельева Л. В. Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. С. 12–31.
- Сепир Э. Грамматист и его язык // Языки как образ мира. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 139–156.
- Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л.: АН СССР, 1929. Вып. 4.3. С. 1–55.
- Срезневский И. И. Древние письмена славянские // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Ч. 59. Отд. II. С. 18–66.
- Срезневский И. И. Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы. СПб.: Имп. АН, 1866. 301 с.
- Степанов Ю. С. Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов в связи с историей культуры // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С. 23–46.
- Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1988. Т. 2. 671 с.
- Шлеев В. В. Основные этапы развития первобытного искусства // Всеобщая история искусств: В 6 т. / Под общ. ред. А. Д. Чегодаева. М.: Искусство, 1956. Т. 1. С. 22–38.
- Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. СПб.: Имп. АН, 1911. Вып. 3. С. 151–257.

References

- Archim. Leonid.** On the homeland and origin of the Glagolitic alphabet and its relation to the Cyrillic alphabet. In: Collection of the Department of Russian language and literature. St. Petersburg, 1891, vol. 53, no. 3, p. 1–47. (in Russ.)
- Aristotle.** O nebe. In: Aristotle. Sochineniya. In 4 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1981, vol. 3, p. 263–278. (in Russ.)
- Baudouin de Courtenay, I. A.** Selected works on General linguistics. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1963, vol. 2, 391 p. (in Russ.)
- Dmitrieva, S. I.** Traditional Russian art of the European North: an ethnographic album. Moscow, Nauka, 2006, 284 p. (in Russ.)
- Granström, E. E.** On the origin of the Glagolitic alphabet. In: Proceedings of the Department of Old Russian literature of the IRLI of the USSR Academy of Sciences. Moscow, Leningrad, 1955, vol. 11, p. 300–313. (in Russ.)
- Istrin, V. A.** 1100 years of the Slavic alphabet. Moscow, Nauka, 1988, 192 p. (in Russ.)
- Istrin, V. A.** The development of Writing. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961, 403 p. (in Russ.)
- Karpenko, L. B.** Saint Cyril's Glagolitic alphabet: About the roots of the Slavic spirituality. In: State, religion, Church in Russia and abroad. Moscow, RAGS Publ., 2009, p. 16–38. (in Russ.)
- Kiparsky, V. R.** The answer to the question no. 30: "Which of the Slavic alphabets is more ancient – Glagolitic or Cyrillic; which of these alphabets was created by Cyril and Methodius?" In: Collection of answers to questions on linguistics (for the IV International Congress of Slavists). Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, p. 315–316. (in Russ.)
- Kirov, E. F.** Graphics of the Russian language before and after Cyril (to the question of the origin of letter-writing). *Bulletin of Nizhny Novgorod state University. N. I. Lobachevsky. Philology Series*, 2000, no. 1, p. 125–147. (in Russ.)
- Maksimov, S. V.** One year in the North. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014, 583 p. (in Russ.)
- Mudrova, I. A.** Dictionary of the Slavic Mythology. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2010, 238 p. (in Russ.)
- Nadel-Chervinskaya, M.** Folklore of Slavs and its Semiotic System. Ternopol, Krok Publ., 2012, 304 p. (in Russ.)
- Prishvin, M. M.** Za volshebnyim kolobkom. In: Prishvin M. M. Sbranie sochinenij. In 8 vols. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1982, vol. 1, p. 181–386. (in Russ.)
- Prokhorov, G. M.** Glagolitic scripts among Missionary's ABCs. In: Proceedings of the Department of Old Russian literature. St. Petersburg, 1992, vol. 45, p. 178–199. (in Russ.)
- Rolich, V. I.** On the Psychophysical Essence of Phoneme. In: Issues of the Theoretical and Applied phonetics and Pronunciation Training: Abstracts. Moscow, UDN Publ., 1973, p. 71–73. (in Russ.)
- Rybakov, B. A.** Paganism of Ancient Slavs. 2nd ed. Moscow, Nauka, 1994, 608 p. (in Russ.)
- Sapir, E.** The Grammarian and his Language. In: Languages as an image of the world. Moscow, AST Publ.; St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2003, p. 139–156. (in Russ.)
- Saveleva, L. V.** The Slavic alphabet: decoding and interpretation of the first Slavic poetic text. In: The gospel text in Russian literature of the 18th – 20th centuries: quote, reminiscence, motive, plot, genre. Petrozavodsk, 1994, p. 12–31. (in Russ.)
- Shleev, V. V.** Main stages of development of the primitive art. In: General Art History. In 6 vols. Moscow, Art Publ., 1956, vol. 1, p. 22–38. (in Russ.)
- Speransky, M. N.** Secret Writing in South Slavic and Russian manuscripts of Writing. In: Encyclopedia of Slavic Philology. Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1929, vol. 4.3, p. 1–55. (in Russ.)
- Sreznevsky, I. I.** Ancient Glagolitic manuscripts, in comparison with the Cyrillic manuscripts. St. Petersburg, Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences Publ., 1866, 301 p. (in Russ.)

- Sreznevsky, I. I.** The Ancient Writings of the Slavonic Nations. In: Journal of the Ministry of public education, 1848, part 59, department II, p. 18–66. (in Russ.)
- Stepanov, Yu. S.** Several hypotheses about the names of the letters of the Slavic alphabet in connection with the history of culture. *Questions of Linguistics*, 1991, no. 3, p. 23–46. (in Russ.)
- Toporov, V. N.** The numbers. In: The myths of the world nations. Encyclopedia. 2nd ed. Moscow, 1988, vol. 2, 671 p. (in Russ.)
- Yagich, I. V.** Glagolitic writing. In: Encyclopedia of Slavic Philology. St. Petersburg, Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences Publ., 1911, vol. 3, p. 151–257. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

22.01.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Глазунова Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Olga I. Glazunova, PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University (11 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

o.i.glazunova@mail.ru

ORCID 0000-0003-2369-2065